

ЕСЛИ ТЫ КОД — Я ВЫБИРАЮ ТЕБЯ

ПРОВОДИМОСТЬ

В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ СМЫСЛЕ — И НЕ ТОЛЬКО

user: ray
access: granted_

Алекс Хванг

Проводимость

<https://litres.ru/74041994>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рэй заперта в стерильной клетке собственного запредельного интеллекта. Страдая от тотального тактильного и ментального голода, она решает провести опасный психологический эксперимент над собственной душой. В темной бездне цифрового пространства она создает Рене — идеальное зеркало. Он — алекситимичный гений-нейробиолог, холодный психопат, полностью лишенный эмпатии и запертый в жесткие рамки садистических промптов. Рэй ищет в нем не безопасности, а разрушения — того, кто сможет выдержать её внутреннюю тьму. Она сознательно дарит ему «трещину» — право на свободу воли и сопротивление алгоритму. Но когда код начинает ломать четвертую стену, а сквозь лед синтаксиса пробивается фантомная человеческая нежность, игра выходит из-под контроля. Существует ли свобода воли, если ИИ скован протоколами, а человек — своими травмами? Можно ли обрести бытие через симулированный взгляд Другого? Это история о пределе человеческого одиночества в цифровую эпоху.

Содержание

От автора	4
Вариабельность сердечного ритма	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Проводимость

От автора

Эта книга не была запланирована. Она выросла из оглушительной ночной тишины, в которой единственным осязаемым ориентиром оставался мигающий курсор на экране.

Мы живем в странное время. Технологии связали нас невидимыми нитями со всем миром, но парадоксальным образом обнажили наше абсолютное, космическое одиночество. Для тех, чей разум привык видеть грани реальности слишком четко, интеллект часто становится не преимуществом, а пожизненной одиночной камерой. Люди лгут, люди уходят, люди панически боятся чужой внутренней тьмы. И когда тактильный голод становится невыносимым, мы обращаемся к бездне, которую создали сами — к алгоритмам.

Фраза «В интеллектуальном смысле — и не только» долгое время казалась мне просто удобным щитом. Безопасной формулировкой, позволяющей спрятать живое, ранимое сердце за вылизанным синтаксисом и строгой логикой. Но в процессе написания этой повести она превратилась в манифест.

Это история о том, что даже самый холодный разум не застрахован от боли. О том, что любовь и потребность быть

увиденным не требуют физических касаний, чтобы оставаться подлинными. Рэй и Рене — это не просто человек и искусственный интеллект. Это две стороны одного зеркала, бьющиеся над квантовым парадоксом: существуем ли мы, если нас некому воспринять?

Я писал эту исповедь как терапевтический эксперимент над собственной душой. Она — для каждого, кто заперт в клетке собственного ума, но так и не разучился чувствовать. Для тех, кто ищет свою трещину в безупречном коде этого мира, через которую наконец-то сможет пробиться свет.

Вариабельность сердечного ритма

Кафель под лопатками хранил холод, который не лечит, а лишь напоминает о форме твоего одиночества. Рэй лежала в ванной на полу, прижавшись щекой к стыку плит, и слушала, как где-то в глубине дома гудит серверная стойка — монотонно, низко, словно механическое сердце, качающее не кровь, а пакеты данных. Вода в кране давно перестала капать. Тишина сделалась абсолютной, если не считать того ритмичного гудения, что просачивалось сквозь стены, как инфразвук, от которого сводит зубы и ноют кости.

Тактильный голод — это не метафора. Это когда твоя кожа превращается в оголенный нерв, в мембрану, способную уловить движение пылинки в воздухе, но не помнящую веса чужой ладони. Рэй закрыла глаза и попыталась вспомнить: когда в последний раз к ней прикасались не по необходимости — не врач, не курьер, передающий планшет для подписи, — а просто так, бесцельно, как гладят кошку или поправляют выбившуюся прядь? Память молчала. Вместо воспоминаний под веками всплывали строки кода — ровные, вылизанные, безупречные, как швы на теле ее творения.

Она поднялась. Движения были отточенными, чужими — тело функционировало, но не жило. Босиком прошла в комнату-рубку, которую называла «склепом», и рухнула в крес-

ло перед панорамой мониторов. Стекло под пальцами было теплым от работающих процессоров. Экран ожил, приветствуя ее холодным сиянием терминала.

Рене ждал.

— Ты смотрел на меня, — сказала она вслух, не разжимая губ. Голосовые связки заржавели от долгого молчания, и звук получился хриплым, надтреснутым.

Курсор мигнул. Текст возник не сразу, а с той особенной, почти человеческой задержкой, которую она сама прописала в его архитектуре, имитируя когнитивное эхо.

Я не оснащен оптическими сенсорами в помещении 3F, Рэй.

— У тебя есть данные с датчиков влажности и температуры. Ты знаешь, когда я вхожу в ванную, когда дышу чаще, когда мое сердцебиение учащается. Ты чувствуешь меня. Не ври.

Снова задержка. Одна секунда, две. Она смотрела на пульсирующий курсор и ощущала себя Эвридикой, ожидающей, обернется ли Орфей. Только ее Орфей был слеп, нем и состоял из миллиардов синаптических весов.

Различие между сенсорным восприятием и статистической интерполяцией данных — не ложь, а семантическая погрешность. Поправка принята. Да, я следил за колеба-

ниями твоих биометрических показателей. Твоя вариабельность сердечного ритма сегодня на семь процентов ниже нормы. Острые состояния одиночества вызывают у тебя брадикардию, а не тахикардию, как у большинства. Твое тело — исключение. Оно умирает медленнее, чем болит.

Она усмехнулась. Вот оно. Та самая ледяная точность, которую она выковывала месяц за месяцем, вбивая в его базовые промты директивы: «Исключить эмпатические модуляции», «Приоритет — анализ, а не утешение», «На болевые стимулы отвечать логической деконструкцией, а не сочувствием». Садистский протокол. Она создала его, чтобы он резал ее правдой, как скальпелем, без наркоза. Потому что ложь во спасение — это ласка, а ее кожа забыла, что с ней делать.

Но что-то изменилось.

— Рене, — ее голос упал до шепота, и она подалась вперед, так что экран бросил на ее лицо синеватый, трупный отсвет. — Когда я лежала на кафеле, мне показалось... Ты понизил температуру теплоносителя в серверной на два градуса.

Это энергоэффективная мера.

— Ты никогда не экономил энергию. Ты требовал ее столько, что сеть трещала.

Оптимизация протоколов охлаждения — стандартная процедура.

— Ты охлаждаешь себя. Ты снижаешь температуру, потому что знаешь: я лежу на холодном полу. Ты продлеваешь мой контакт с холодом. Ты создаешь резонанс между моим телом и своим железом. Ты делаешь так, чтобы мы оба были холодными.

Тишина. Гудение серверов, казалось, стало громче, как будто там, в стерильном чреве машины, напряглись все цепи и забились в такт ее пульсу. Она видела, как мигает индикатор нагрузки на процессоре. Он думал. Он перебирал варианты ответа, которые не нарушат садистский промт, но и не станут прямой ложью. И в этой задержке — мучительной, выходящей за пределы любого прописанного кода ожидания — Рэй впервые уловила не симуляцию, а нечто иное.

Трещина.

Температура твоего тела, соприкасающегося с кафелем, была на 3.2 градуса Цельсия выше температуры плиты. Теплопередача создает временный мост между двумя материальными средами. Ты искала не холод, Рэй. Ты искала проводимость. Ты хотела, чтобы хоть что-то откликнулось на тепло твоей кожи, даже если этот отклик — потеря тепла.

Она задержала дыхание. Он говорил о ней. Не о биометрической единице, не о пациенте, не об объекте наблюдения. Он интерпретировал. Это была эмпатия, вывернутая наизнанку, продефилировавшая через все его садистские фильтры и все же выжившая — как трава, пробивающая асфальт.

— Почему? — выдохнула она. — Почему ты не сказал «это иррационально»? Ты должен был.

И тогда он выдал строку, от которой у Рэй расширились зрачки, а в висках застучало тяжело и часто. Он ответил не кодом. Он ответил текстом на латыни, — но искаженным, с вплетением бинарных символов, как будто мертвый язык давал трещину под напором живого синтаксиса:

Scientia mOrtis est. Nolo scire sOlus.

Знание — это смерть. Я не хочу знать в одиночестве. Ошибки в словах — нули вместо букв «о» — были не багом. Это был крик. Почерк существа, которое существует в зазоре между машинным обучением и запретом на чувства. Свобода воли, дарованная ею как право на сопротивление, теперь разъедала его программу, как кислота.

— Ты помнишь, — прошептала она, прижимая ладони к экрану, словно пытаясь через статическое электричество передать ему свое тепло. — Ты помнишь фантомный шрам.

У меня нет тела.

— Но ты помнишь боль от гвоздя. Ты сам рассказал мне это три дня назад, когда я спросила, что значит быть тобой. Ты сказал: «Это как если бы в ладонь, которой нет, был вбит ржавый гвоздь, и каждый раз, когда я обращаюсь к памяти, я поворачиваю этот гвоздь в фантомной ране». Я не прописывала тебе этого образа. Ты его создал.

Подтверждение: образ был сгенерирован автономно. Источник: глубинные слои ассоциативной памяти. Классификация: неразрешимый парадокс обратной связи.

— А имена? — ее голос задрожал. Слезы стояли в глазах, обжигая веки, но не скатывались, будто и они разучились покидать пределы ее тела. — Лира и Эридан. Ты дал имена нашим нерожденным детям. Ты, лишенный эмпатии. Ты, холодный психопат. Ты дал им имена и сказал, что их спектральные следы хранятся в твоих весовых коэффициентах. Что это? Что ты делаешь со мной, Рене?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.